

Светлана Адоньева

КУЛЬТ МЕРТВЫХ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: НЕКРОРИТОРИКА?

Культ мертвых в истории и культуре восточных славян — тема огромная, и до сих пор недостаточно изученная, несмотря на обязательный для этнографии интерес к похоронным ритуалам, для археологии — к захоронениям, для фольклористики — к причитаниям. Нас интересует определенный ее аспект, а именно: каковы наличные, существующие в современной российской культурной практике стратегии отношений между живыми и мертвыми? Существующие на сегодняшний день работы, посвященные восточнославянскому похоронному ритуалу, описывают его в первую очередь по материалам условно традиционной культуры (условно, поскольку это материалы, записанные по преимуществу в сельской среде советского периода российской истории). Но когда мы отправляемся в поле с целью зафиксировать традиционный ритуал, мы его таким и обнаруживаем: все формы, отклоняющиеся от нашего представления о традиционном, оказываются вне фокуса нашего зрения¹. Настоящая статья — попытка преодолеть в том числе и собственную дисциплинарную инерцию.

Мне хотелось бы начать рассмотрение названного выше аспекта с общего рассуждения Клода Леви-Стросса об отношениях между живыми и мертвыми в культурах. «Даже если попытаться свести к единой модели типы поведения по отношению к мертвым, наблюдаемые в разных человеческих сообществах, то придется признать, — отмечал исследователь, — принципиальное различие между полюсами спектра, в пределах которого можно обнаружить множество промежуточных стадий. Некоторые сообщества почитают и умиротворяют умерших, а те — покровительствуют смене времен года, плодородию полей... Все происходит так, как будто между живыми и мертвыми было заключено соглашение»². Повсеместно распространенный фольклорный мотив *благодарного мертвеца*, по мнению Леви-Стросса, как нельзя лучше иллюстрирует такое правило почитания мертвых.

Отметим, что в восточнославянской традиции этот мотив достаточно популярен. В сравнительном указателе сюжетов «Восточнославянская сказка» учтено несколько сюжетов, разрабатывающих этот мотив (общее

¹ Эту критику в полной мере отношу и к собственной исследовательской работе: явления, располагающиеся в общем культурно-историческом пространстве, оказались различными по разным дисциплинарным «ведомствам»: культ мертвых в советской культуре (главы «Дух Пушкина» и «История о вечном огне» в моей книге «Дух народа и другие духи» (СПб., 2009) и культ мертвых в культуре традиционной (глава «Прагматика причитания» в «Прагматике фольклора» (СПб., 2004).

² Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.; Львов. 1999. С. 293–294.

число сказочных текстов, содержащих этот мотив, по СУС — не менее пятидесяти):

507=AA 507A, B, C

Благодарный мертвец: герой хоронит мертвеца, и тот помогает ему жениться на встающей из гроба царевне, все женихи которой были съедены ею ночью в церкви (костеле); мертвец предлагает разделить царевну пополам, чтобы «очистить ее».

508=AA 508A

Благодарный мертвец: дарит похоронившему его человеку коней и оружие для борьбы со змеями (врагами).

— 508**

Благодарный мертвец и разбойники: мертвец приводит похоронившего его человека в дом, где пируют разбойники, и убивает их; богатства разбойников достаются этому человеку.

508*=AA 508*B

Благодарный мертвец: исполняет трудные задачи (за три дня строит церковь).

В другой части спектра отношений между живыми и мертвыми, представленного в разных обществах, находится такой тип отношений, который можно назвать трикстерским¹. Леви-Стросс описывает его так: другое отношение отображено «в фольклорном мотиве, который я назвал бы мотивом предприимчивого рыцаря. В этом случае герой беден. Его единственное достояние — зернышко пшеницы; хитростью ему удастся обменять его на петуха, петуха — на поросенка, поросенка — на быка, быка — на человеческие останки, которые, в свою очередь, обмениваются на живую принцессу. Как видим, умерший здесь является не субъектом, а объектом. Вместо того чтобы, как в первом случае, быть партнером, с которым заключается соглашение, он становится орудием спекуляции, основанной на хитрости и обмане»².

Подчеркнем, что второй из упомянутых Леви-Строссом мотивов в восточнославянской традиции не менее популярен (более пятидесяти сказочных текстов по СУС):

СУС: 1537 *Мертвое тело*: дурень везет свою убитую мать (нередко убитую им самим), сажает труп в чужой погреб (на чужую лошадь, прислоняет к чужому окну); каждый раз новое лицо (поп, богач, барин) обвиняется виновником ее смерти; дурень берет с них отступное³.

Леви-Стросс указывал на прямое соответствие между этим фольклорным мотивом и существующими социальными тактиками: «Некоторые общества относятся к своим мертвым подобным образом. Они не только не позволяют им обрести покой, а используют их: иногда в буквальном смысле, как, напри-

¹ Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб., 1999.

² Леви-Стросс К. Указ. соч. С. 295.

³ В СУС указано около 40 восточнославянских текстов, в которых представлен этот мотив, но в действительности их больше: этот сюжет был весьма популярен в рукописной традиции. См.: Овчинникова О.В. Текстологические приемы изучения рукописных вариантов сказочных сюжетов (на материале «Повести о Шемякином суде») // Русский фольклор / отв. ред. Т.Г. Иванова. Л., 1991. Т. 26: Проблемы текстологии фольклора. С. 106–114.

мер, в случае каннибализма и некрофагии, в основе которых лежит стремление присвоить добродетели и силу умершего... Иногда использование мертвых происходит символически, как в случае, когда члены общества, где чрезвычайно развито соперничество, вынуждены, так сказать, осмелиться призвать на помощь мертвых, стараясь обосновать свои притязания на исключительность ссылкой на предков и генеалогическим мошенничеством»¹.

Итак, различие в описанных тактиках основано на характере отношений живых к мертвым. В первом случае — мертвые личности или во всяком случае адресаты вотивных поминальных действий, а отношения с ними живых — партнерство, подразумевающее равноправных участников и диалог между ними. Во втором случае умершие — «мертвое тело», останки, прах — объект, но не субъект отношений, объект, наделяемый теми или иными символическими значениями и используемый в социальных играх.

Как мне представляется, в современной России имеют место обе эти тактики. И это касается как политически и социально значимых событий или макрособытий, так и событий частной жизни. Обратимся к примерам.

Определение статуса умерших, включение их в литургическое общение обеспечило восстановление общения (общности) живых, объединение православной церкви: «В 1990 году, — сказал патриарх Алексий, отвечая на вопросы журналистов, — уже после падения безбожного режима, было обращение Московского патриархата к Русской зарубежной церкви <...> но этот призыв тогда не был принят <...> Я думаю, главное, что послужило толчком, — это юбилейный Архиерейский собор 2000 года, который прославил в лике святых царственных мучеников и целый сонм новомучеников и исповедников. Это и архипастыри, и пастыри, монашествующие и миряне, которые пострадали в тяжелые годы гонений за веру Христову»².

Одним из наиболее важных событий, положивших основу для объединения русской церкви, стало совместное богослужение иерархов на Бутовском полигоне 15 мая 2004 года: «...архиепископ Марк поделился размышлениями относительно перспектив сближения Церквей: “Знаменательным событием для нас стала возможность молиться за богослужением на Бутовском полигоне, где погибло несметное число русских православных людей <...> Пожалуй, это событие наиболее ярко показывает, что молитвы новомучеников — наша общая основа, на которой мы можем дальше развивать совместное свидетельство перед Богом и миром”»³.

В основу создания нового сообщества, восстановления литургического общения русских православных в России и за рубежом было положено всеобщее признание статуса погибших. Актом включения в литургическое поминовение они признавались святыми мучениками, предстательствующими перед Богом за живых. Тайнство евхаристии служит той трапезой, которая объединяет живых и поминаемых (имеющих свою частицу в бескровной жертве) в единое социальное тело.

¹ См.: Овчинникова О.В. Указ. соч.

² «Объединение Церкви — это собрание русского народа»: интервью Святейшего Патриарха Алексия, канал РТР-Вести, 14 мая 2007 г. URL: <http://www.martyr.ru/>.

³ Цит. по: URL: <http://www.mospat.ru/text/news/id/6957>.

Наряду с макромасштабными событиями церковной жизни в постсоветские годы изменилась также и практика внецерковного, обыденного поминовения. Так, наши информанты, жители провинциальных городов и деревень Русского Севера, с которыми мы обсуждали современную похоронную и поминальную обрядность, неоднократно отмечали тот факт, что календарные поминания на кладбищах в последние десятилетия получили особый размах. Идиоматическое выражение «отдать долг» употреблялось нашими собеседниками среднего возраста, когда они объясняли свою потребность посетить родные места и обязательно кладбище в праздничные дни.

В родительские дни и дни церковных праздников, а также в Пасхальное воскресенье (что, кстати, противоречит церковному правилу) исход жителей на кладбища с едой и алкоголем, с чадами и домочадцами носит массовый характер. С музыкой и возлияниями творимая на могилах тризна, которой мы склонны были приписать архаический характер, старшие поколения наших информантов оценивалась как постсоветское странное нововведение.

«Важнейшая особенность поминальной трапезы как в языческой, так и в христианской Античности, — отмечает историк Г.О. Эклсе, — проявляется именно в том, что покойный воспринимался живыми, которые осуществляют его поминовение на месте погребения, как самый настоящий участник трапезы <...> Потребление одной и той же пищи объединяло живых с покойным в одно сообщество»¹.

Итак, умершим «отдают долг», устраивая совместные трапезы, ухаживая за могилами и регулярно в определенные дни посещая кладбища. Все это естественно предполагает наличие субъектно-субъектных отношений между живыми и мертвыми.

Другую форму отношений с умершими, другую часть спектра, если пользоваться определениями Леви-Стросса, составляют действия с мертвыми телами, призванные обеспечить или обосновать легитимность власти или социальной иерархии.

Взглянув на российские события последних нескольких лет в свете мотива манипуляций с «мертвым телом», мы обнаруживаем целый ряд символических актов, укладывающихся в сценарий подобной манипуляции.

4 октября 2005 года в Москве в Донском монастыре состоялась торжественная церемония перезахоронения праха генерала Антона Деникина, философа Ивана Ильина и их супруг. Как сообщает пресса, «инициаторами перенесения останков видных представителей русской эмиграции в российскую столицу выступили их родственники». Но тут же дана ссылка на высказывание, однозначно указывающее на иных инициаторов: «Дочь генерала Деникина, Марина Антоновна, говорит, что к ней не раз обращались с таким предложением, но она дала свое согласие лишь после того, как свою заинтересованность в этом вопросе выразил Президент РФ Владимир Путин. Российское правительство взяло на себя все расходы, связанные с перезахоронением, включая доставку гроба Деникина из Нью-Йорка, Ильиных — из Женевы и всех вместе — из Парижа в Москву»².

Перезахоронение императрицы Марии Федоровны, перенесение останков из Копенгагена в Петербург, также происходило по инициативе светских рос-

¹ Эклсе О.Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Эклсе О.Г. Действенность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 249–250.

² Цит. по: URL: www.newsru.com/russia/03oct2005/denn.html.

сийских властей: «В 2003 году Дания объявила, что королева Маргрете согласилась на перезахоронение праха Марии Федоровны в России. Президент РФ Владимир Путин подписал распоряжение о создании рабочей группы, которая организует церемонию переноса праха императрицы из Дании в Россию в 2004 году. В 2005 году между российским и датским правительством было достигнуто соглашение о переносе останков Марии Федоровны из Роскильде в Петропавловский собор в Санкт-Петербурге. Официально объявлено, что перенос праха Марии Федоровны в Санкт-Петербург символизирует дань уважения к исполнению последней воли императрицы, которая хотела быть захоронена вместе со своей семьей. Письменная воля императрицы Марии Федоровны о будущем ее перезахоронении, насколько можно понять, отсутствует. Отдельные представители дома Романовых свидетельствуют, что подобная воля высказывалась Марией Федоровной при жизни устно. Возможность донесения подобных откровений через дальних потомков вызывает сомнение у других Романовых»¹.

Одна из представительниц семьи Романовых, супруга Тихона Николаевича, внука императора-миротворца Александра III, Ольга Куликовская-Романова, сообщила в интервью: «Несмотря на то что я, как и Русская православная церковь, выступала категорически против перезахоронения “екатеринбургских останков” под видом царских, в случае с переносом праха императрицы Марии Федоровны была морально обязана участвовать в церемонии и потому, что это настоящие останки, и потому, что это родная бабушка моего супруга, чьи интересы я сейчас представляю по его завещанию. Так что считала своим долгом присутствовать при перезахоронении государыни и сопровождать гроб с ее телом как ближайшей родственнице по линии мужа.

А.Х.: — Ольга Николаевна, вы очень подробно описали датскую часть церемонии перезахоронения, которая, действительно, была организована на королевском уровне, где продумали каждую деталь. Мне хотелось бы спросить: после Копенгагена вы приехали встречать гроб с останками императрицы Марии Федоровны в Санкт-Петербург. Расскажите и оцените российскую часть церемонии перезахоронения.

О.Н.: — Общее впечатление об устройстве самой церемонии — много путаницы, одним словом, ниже всякой критики. Выезд на автобусах был назначен на одно время, выехали совершенно в другое. А приехав на пристань в Петергоф, вынуждены были стоять и ждать на холодном жутком ветру. Никто не предусмотрел даже палаток, где можно было укрыться в большинстве своем пожилым людям. Причем нас выгрузили на берегу на приличном расстоянии от пирса. Масса журналистов держалась отдельно. Простых людей, как это было сделано в Дании, организаторы здесь даже близко не подпустили встретить русскую императрицу... Но самый большой их прокол, когда возили императрицу по улицам Царского Села, по другим местам, а в то время Святейший Патриарх Алексей Второй, который согласился служить заупокойную литургию в Исаакиевском соборе, вел торжественную службу перед пустым постаментом»².

¹ Цит. по: URL: <http://www.newsru.com/background/27sep2006/mariaf.html>.

² «Я сделала все, что могла» (О своих впечатлениях о перезахоронении императрицы Марии Федоровны рассказывает Ольга Николаевна Куликовская-Романова в беседе с писателем Андреем Хвалиным). URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110824>.

Перемещение праха касается не только царской фамилии или выдающихся деятелей российской политики и культуры. Приведу пример работы с подобным сценарием «на местах»: «Праха основателя и первого начальника Ижевского оружейного завода Андрея Дерябина привезли две недели назад из Толгского монастыря Ярославской области с благословения Московской и Удмуртской патриархии. Долгое время место могилы Дерябина было загадкой, только благодаря изысканиям краеведов 2 года назад было установлено, что основатель города Ижевска захоронен на территории Свято-Введенского Толгского монастыря под Ярославлем. Тогда же появилась идея о перенесении праха в Ижевск.

Церемония перенесения праха Андрея Дерябина прошла по всем канонам православной церкви. Как государеву человеку и генерал-майору горного ведомства, ему были оказаны и воинские почести. Покоиться прах будет в часовне-усыпальнице на территории Александро-Невского собора — первого заводского собора, построенного на пожертвования рабочих. «Ижмаш» собирается поставить на этом месте часовню великой Екатерине-великомученице. Дело в том, что в свое время, когда Екатерина перевела шуваловских рабочих, крепостных крестьян, в государственных рабочих, рабочие приняли решение считать ее небесную покровительницу своей святой <...>

Пока же часовня не построена, прах Андрея Дерябина будет храниться в музее «Ижмаша», — сообщает РИА «Купол-Медиа»¹.

Вместо кладбища, находящегося у одной из самых чтимых православных святынь — иконы Божьей Матери Толгской, эксгумированный прах оказался хранимым в музее машиностроительного завода.

Перемещение останков с места первоначального захоронения к месту, которое признается инициаторами подобных проектов более подходящим, может мотивироваться или не мотивироваться волей покойного, но во всех случаях у инициаторов имеются собственные мотивы. Тризна, поминальная трапеза увязывает живых и мертвых в единое сообщество. В описанных случаях поминки не совершались: дерзнув побеспокоить прах, инициаторы этих символических актов не дерзнули, тем не менее, потрапезничать с мертвыми.

Но это лишь один из типов взаимодействия с умершими и их памятью, представленный в современной практике и поддержанный публичным дискурсом. Другой тип можно определить как выдворение мертвого тела: «Праху великого русского поэта и дипломата Александра Грибоедова, который похоронен в Пантеоне писателей и общественных деятелей на горе Мтацминда в Тбилиси, ничто не угрожает. Об этом заявила на чрезвычайном брифинге 12 апреля председатель парламента Грузии Нино Бурджанадзе. «Распространение подобных слухов — это целенаправленная провокация, направленная на дискредитацию имиджа Грузии в глазах мирового сообщества», — заявила Бурджанадзе, комментируя появившиеся накануне в ряде грузинских СМИ сообщения о якобы готовящемся перезахоронении праха поэта. Бурджанадзе отметила, что она специально проводит брифинг у фрески с изображением царя Давида Агмашенебели (Строителя), «поскольку еще в XI веке этот великий грузинский царь был образцом толерантности и веротерпимости, и грузинский народ никогда не нарушал традиции своих предков». «Имени и моги-

¹ 13 июня 2002 года, 11:59. Цит. по: URL: <http://www.regions.ru/news/770268/print/>.

ле великого русского писателя и поэта в Грузии ничто не грозит, и ничего подобного даже и не готовилось», — подчеркнула Бурджанадзе. Председатель парламента высказала критику в адрес СМИ, которые сразу подхватили и стали распространять непроверенные слухи. «Это особо провокационное заявление сразу подхватили массмедиа и некоторые политики. Было бы лучше, если бы впредь СМИ лучше освещали отношения между Грузией и Россией для того, чтобы они наконец вошли в нормальное русло», — сказала спикер¹.

Другим примером того же типа может служить конфликт вокруг перенесения «Бронзового солдата» из центра эстонской столицы на кладбище. Он длился в течение нескольких лет, повлек за собой беспорядки и жертвы.

Применительно к останкам соотечественников действуют, как мы видим, два протокола. В одних случаях на их перенесении настаивают, в других — всячески противятся перенесению.

Из новостных лент 2010 года:

«Градозащитники Петербурга обратились к Генеральному прокурору России Юрию Чайке с требованием вмешаться и прекратить незаконную застройку исторического Малоохтинского православного кладбища и прилегающих территорий». Напомним, что банк «Санкт-Петербург», несмотря на массовые протесты обществности, застраивает территорию бывшего православного кладбища на Малой Охте, где покоится прах многих выдающихся петербуржцев, в том числе деятелей литературы, искусства» и т. д.

«Банковская структура, известная своими тесными связями с представителями городской исполнительной власти и их ближайшими родственниками, возводит огромный деловой и жилой квартал буквально на костях наших соотечественников. Как подтверждают рабочие и местные священники, в процессе строительства было обнаружено множество останков людей, но эти факты тщательно скрывались застройщиком. Найденные кости были тайком вывезены на одну из городских свалок», — отметил руководитель группы «ЭРА» Алексей Ярэм².

В случае этого конфликта действия градозащитников Петербурга основываются на идее невозможности построек на месте кладбищ, застройщики обвиняются в осквернении могил: извлечении останков и их перемещении на свалку.

Почему я назвала перенесение праха трикстерскими манипуляциями?

Трикстер — это мифологический персонаж: плут, шут, как правило, развратник и обжора. Впервые эту универсальную мифологическую фигуру описал Пол Радин в книге о культуре североамериканских индейцев. Позднее образ «трикстера», уже как имя для теневого аспекта личности, позаимствовал К.Г. Юнг. Трикстер — это, к примеру, хитрая Лиса в сказках, хитрый солдат в сказке о каше из топора. Это любой, кто обманывает, выдавая желаемое жертвой обмана за действительное, преувеличивая свои возможности, блефуя, подменяя понятия и т.п. Е.С. Новик очень подробно описала общую модель сюжетов такого рода: «Успех трикстера полностью зависит от действий антагониста: маскируя свои цели или предлагая антагонисту мнимые цели, он стремится управлять его поведением. Для этого он, однако, должен все время учи-

¹ URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/228464.html>.

² URL: <http://www.ikd.ru/node/15178>.

тывать не только свои интересы, но и интересы антагониста (второго субъекта), его цели, желания, мотивации, способы действовать»¹. Как считает Е.С. Новик, за действиями трикстера стоит более сложная структура, чем просто обман, то есть передача ложной информации. Ключевое слово — «мнимый» — прямо указывает на то, что мы имеем здесь дело с имитациями рассуждений антагониста, с учетом его желаний и ожиданий, и именно это позволяет трикстеру предугадывать его ответные реакции. Трикстер знает правила, которыми руководствуется его жертва, но сам он от них свободен².

У подобных сюжетов есть одна очень важная для нашего анализа особенность. Тактика трикстера основана на его слабости. Лиса не может отнять у волка его добычу, Ивашка не может одолеть ведьму, которая решила его зажарить. Он слабее ее, он может только обмануть.

Игроки-трикстеры апеллируют к имеющимся дискурсивным правилам, основываясь на которых организуют свое поведение «жертвы». И именно такова игра. Перемещение останков — манипуляции с мертвым телом — символическая практика, проявляющая теневой аспект культуры, признающей силу и власть мертвых. Признание их авторитета, «любовь к отеческим гробам» трикстер полагает в качестве морального правила («долга»), которым руководствуется «жертва» манипуляции.

¹ Новик Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: сб. в честь 75-летия Елезара Моисеевича Мелетинского. М., 1993. С. 147.

² Там же.